Труайя А. Любовь длиною в жизнь: девять эссе о женщинах, воспитавших русских писателей. – М., 2010. – С.84-91

Надежная опора

В 1854 году Евгения Яковлевна Морозова, происходившая из купеческой семьи, вышла замуж за потомка крепостных крестьян Павла Егоровича Чехова. Она не могла представить себе никакого иного будущего, кроме как в качестве прислуги, и мечтала только о том, чтобы хозяин попался добрый. Однако ее муж, человек решительный, отличался большей смелостью. Собирая деньги буквально по копейке, одалживая у одного знакомого, чтобы расплатиться с другим, он за три года сумел скопить достаточную сумму, чтобы купить бакалейную лавку в самом центре Таганрога. Прошло совсем немного времени, и он купил другое помещение, большей площади и привлекавшее больше покупателей. В доме пахло щами и подсолнечным маслом. В темной и зловонной лавке продавали все, что угодно: главным образом, конечно, бакалею, но также и керосин, лампы, перочинные ножи, табак, свечки и слабительное. Небольшое объявление приглашало любителей испробовать домашнюю водку в маленьком зале, который назвали клубом.

Сидя в отцовской лавке среди мешков с мукой и связок колбас, Антон Чехов и его брат Николай мечтали сбежать из этого ада, но куда? Они и не подозревали, что отец, со своей стороны, уже задумывался над их образованием. По совету учителя из греческой приходской школы он отдал сыновей в это учебное заведение в надежде, что через несколько месяцев они заговорят по-гречески не хуже уроженцев Афин. Однако, когда сыновья вернулись домой на летние каникулы, оказалось, что ни тот, ни другой не запомнили ни слова из того, чему их учили. Отец в очередной раз взорвался. Он отличался желчным характером и говорил, что когда он порет своих отпрысков, его руку направляет сам Господь. При этом под иконой он повесил следующее грозное объявление: «Кричать во время наказания строго запрещается!» Объявление было подписано: «Отец семейства, Павел Чехов». Торговля шла неважно, и потеряв надежду на успех своего дела, он начал выпивать. Бутылки с водкой и крымским вином сменялись на столе до тех пор, пока отец Антона Чехова не падал с рыданьями на кровать или в кресло. Слишком застенчивой, слишком робкой, слишком слабой Евгении Яковлевне, не осмеливавшейся ругать мужа, оставалось лишь вздыхать и плакать, ожидая, пока проспится этот пьяница, которого она любила. Потом родители перебрались в Москву, и мать писала оттуда Антону, умоляя его приехать к ней и, главное, поступить учиться на врача, потому что считала, что это самое лучшее ремесло, с которым сын всегда сможет заработать себе в Москве на жизнь. Чувствуя поддержку матери, Антон Чехов серьезно относился к учебе и получил заветный аттестат об окончании гимназии. Через несколько недель он сел в поезд, идущий во вторую столицу России, даже не удосужившись выяснить, где и как живут родители.

Радость от встречи с ними сменилась удивлением, когда он увидел, что они ютятся в подвале обветшалого дома, из окон которого видны только ноги прохожих. На веревках, протянутых под потолком подвала, сушилось белье, от сырых стен исходил прогорклый нездоровый запах, а тишину нарушали вопли проституток, выяснявших отношения перед входной дверью. В этом подобии погреба жили десять человек. Отец, Павел Егорович, поселился у своего работодателя на другом конце города, братья Антона Чехова тоже смогли найти жилье подальше от этой грязи и нищеты, а мать, до того успевшая привыкнуть к прислуге и раздраженная тем, что у нее больше нет ее, совершенно не интересовалась делами семьи. Увидев отчаянное положение родственников, Антон взял ситуацию в свои руки. Он решил, что в определенный день будет сам заниматься хозяйством, а в другие дни недели эти обязанности должны будут взять на себя его братья и сестра. Когда все согласились с установленным им жестким распорядком, он записался на первый курс медицинского факультета Московского университета. Чтобы заработать немного денег, он

ЦГЕБ имени А.П. Чехова

стал сочинять юмористические рассказы, которые посылал в журналы. Ему платили по пять копеек за строчку, а подписывался он псевдонимом. Вскоре он увлекся театром, но, поскольку его пьесы никому не нравились и никого не веселили, он вернулся к своим рассказам и хронике московской жизни. В будущем он рассчитывал зарабатывать на жизнь журналистикой, а профессиональную карьеру собирался сделать в медицине. Однако мать, расставшись со своим дорогим Антошей, сильно горевала, часто плакала и жаловалась, что успех отдаляет от нее сына. В октябре 1888 года она узнала, что Петербургская Академия наук присудила Антону Пушкинскую премию за сборник «В сумерках», и в первый момент испугалась, что эта награда заставит его забросить медицину. Она встревожилась еще больше, когда он сообщил, что собирается отправиться в Сибирь изучать нравы местного населения. Неужели он хотел сбежать от матери, от ее нежной заботы и вполне объяснимых требований?

Только 8 декабря 1890 года, после семимесячного отсутствия, он, наконец, вернулся домой. Мать, извещенная телеграммой, бросилась вместе с другим сыном, Михаилом, встречать его на Тульский вокзал. Евгения Яковлевна нашла, что Антон постарел и стал более нервным. Он говорил, что на него возложена важная миссия, что он хочет рассказать о злоупотреблениях тюремного начальства, об унижениях, которым подвергаются каторжники, о страшном положении женщин и детей в далеких и диких уголках страны. Мать, испуганная навязчивой идеей сына разоблачить все несправедливости, творящиеся в России, умоляла его умерить пыл, чтобы не рассердить «важных людей».

В 1898 г. муж Евгении Яковлевны скончался после операции по поводу грыжи в одной из московских клиник, и ей снова пришлось справляться с горем в одиночку. Антона опять не было в Москве. Она обвиняла себя в том, что не предчувствовала надвигающейся беды, и думала о том, что сын был очень ей нужен в столь трудные дни. Однако у нее был и другой повод для беспокойства. Судя по всему, всегда такой разумный Антон не устоял перед обаянием молодой актрисы Ольги Леонардовны Книппер, великолепной, по общему мнению, исполнительницы ролей в лучших пьесах Чехова — «Чайка» и «Дядя Ваня». Но Ольге претила мысль о тайной связи. Она хотела, чтобы ее любили открыто. Напрасно Евгения Яковлевна советовала сыну еще и еще раз проверить свои чувства, прежде чем сделать решительный шаг. В ответ он твердил, что если будет и дольше противиться браку, то потеряет единственную женщину, которую смог завоевать, и никогда не простит себе этого. Несмотря на настойчивость Антона, Евгения Яковлевна по-прежнему не доверяла Ольге. Она еще не знала, что ее возражения запоздали, что сын тайно оформил брак, и молодая чета отбыла в свадебное путешествие на кумыс в Уфимскую губернию по рекомендации врачей. В то время как она пребывала в тревожной растерянности, внезапно пришла телеграмма от сына: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. ...Уезжаю на кумыс. Здоровье лучше». Оглушенная известием, в котором смешалось все — и женитьба, и кумыс, и обещание безоблачного будущего, и запоздалая просьба о материнском благословении брака, Евгения Яковлевна задавалась вопросом, у кого из них двоих помутился рассудок — у нее или у сына.

На лето она уехала в Ялту, где рассчитывала насладиться морским воздухом и общением с приятной публикой, часто посещавшей этот курорт, и с волнением ожидала приезда сына с невесткой. Дочь Мария решила поехать с ней, «чтобы смягчить удар», как она сама говорила. Однако, вопреки их ожиданиям, никакого удара не последовало. Сошедший с поезда Антон Павлович буквально светился от счастья, а Ольга Леонардовна вовсе не была похожа на актрису, играющую роль молодой супруги на сцене театра. Она была настолько же естественной, улыбчивой и милой, насколько ее муж выглядел по-мужски неуклюжим.

Вначале Евгению Яковлевну очаровало полное согласие, царившее между молодоженами, но вскоре она заметила, что Ольга собирается воспользоваться своим положением законной супруги, чтобы вести дом вместо свекрови. Мало того, что новая родственница заставляла мужа чаще менять белье, чистить обувь, мыть голову и подстригать

ЦГБ имени А. П. Чехова

бороду, она к тому же потребовала изменить рацион питания и — о ужас! — время от времени захватывала кухню, чтобы самостоятельно готовить блюда по своему вкусу. Попытки Антона Павловича уладить ситуацию дипломатическим путем не дали результата. Евгения Яковлевна вздохнула с облегчением, когда невестке пришлось отбыть в Москву на репетиции в Художественном театре. Но очень скоро она поняла, что Антон совершенно не может обходиться без своей Ольги. Евгения Яковлевна пыталась развеселить его забавными рассказами и трогательными воспоминаниями о его детстве, но любовь сделала его глухим ко всему, что не относилось к его собственным чувствам. Не прошло и трех недель, как он отправился в Москву вслед за женой. Потом он сообщил матери, что Ольга была беременна, что ее отвезли в больницу и что ребенок родился мертвым. Конечно, Евгения Яковлевна жалела невестку, но твердила, что та поступила легкомысленно и преступно, не отказавшись от бродячей и веселой жизни в таком положении. Вскоре Ольга тяжело заболела. Врачи констатировали перитонит и настаивали на операции. Однако больная поправилась без всякого хирургического вмешательства, и успокоившийся Чехов принял приглашение приехать на Урал, в Усолье, в огромное имение богача Саввы Морозова.

За этой поездкой последовали другие, скандалы между супругами сменялись периодами хрупкого примирения, и мать Чехова наблюдала за тем, как постепенно разлаживалась семейная жизнь сына и одновременно росла слава Ольги Книппер, исполнительницы главных ролей в пьесах Антона: «Чайка», «Дядя Ваня» и «Три сестры» принесли ей огромный успех. Но самым удивительным оставалось то, что наряду с этими успешными пьесами писатель продолжал публиковать прелестные рассказы, порой юмористические, порой грустные, но неизменно глубоко человечные, правдивые и точно передающие атмосферу среды, в которой происходило действие. Читавшим эти рассказы казалось, что Чехов перепробовал все профессии, объехал всю Россию и близко познакомился со всеми своими героями. Многие почитатели его таланта не смогли бы ответить, что в его творчестве привлекает их больше -рассказы или пьесы. К таковым относилась и Евгения Яковлевна. За каждой фразой, написанной сыном, ей слышался его голос, и это приносило ей куда большее наслаждение, чем игра профессиональных актеров, заучивших написанный текст. Лаконичность рассказов только усиливала производимое ими впечатление, и Евгении Яковлевне очень хотелось, чтобы сын уделял им больше внимания.

Но наступило время, когда он перестал писать. Он жаловался на боли в желудке, с трудом дышал и все чаще оставался в постели. В начале лета 1904 года Чехов с женой переехал из Ялты в Баденвейлер, известный курорт на юге Германии, где и скончался в ночь с первого на второе июля на руках у жены и доктора.

Матери не пришлось с ним попрощаться. Она пережила Антона на пятнадцать лет и посвятила себя служению культу сына; современники горячо поддерживали ее. Жена Чехова, Ольга Леонардовна Книппер, оправившись от горя, продолжила свою блестящую театральную карьеру и скончалась в 1959 году в возрасте девяноста восьми лет. И, как ни удивительно, в наши дни живее всех остается память о том из них, кто ушел первым. Многие в окружении Чехова оплакивали его кончину и присутствовали на его похоронах. Но может показаться, что он жив, что он присутствует среди нас, и, читая его рассказы, можно подумать, что его живое воображение и быстрое перо создали их буквально вчера.

ЦГЛБ имени А. П. Чехова